

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 4, 1974 июль — август

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР

Л. Е. Лопатина. Ценное наследство 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. А. Державина. Язык художественной прозы
А. Н. Радищева 18

А. В. Никонов. Взгляды декабристов на развитие
русского литературного языка 27

В. В. Одинцов. Кто автор? 33

В. А. Плотникова. Безумных лет угасшее веселье 43

И. С. Ильинская. Незнакомые знакомцы 51

Н. И. Михайлова. Заметки о прозе Пушкина 59

Художественно-изобразительные средства К. Г. Паустовского

Ю. С. Долгов. Метафора 64

И. И. Постникова. Олицетворение 68

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском
произношении 71

С. С. Плямоватая. Субпродукты 76

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

Т. А. Тулина. С чем мы сравниваем? 81

В. П. Ковалев. Категория числа как выразительное
средство 85

Н. Н. Иванова. Отзвуки стиля Пушкина в поэзии
наших дней 89

ОТЗВУКИ
СТИЛЯ
ПУШКИНА
В
ПОЭЗИИ
НАШИХ
ДНЕЙ

Круг лексических и фразеологических поэтизмов (слов и оборотов, специфичных для стихотворной речи), используемых современными поэтами, включает в себя различные слова и выражения, так или иначе связанные с историей поэзии.

К поэтизмам принадлежат и разнообразные по форме и характеру литературные реминисценции, представляющие собой своеобразные отсылки в тексте поэтического произведения к тексту или совокупности текстов того или иного автора. Литературные реминисценции могут воплощать в себе художественную манеру отдельного автора, свойства и качества определенной художественной системы, особенности той или иной поэтической школы, литературного направления и т. п. Их назначение состоит в том, чтобы сообщить тексту дополнительный смысл, усилить его выразительность.

Естественно, что у современных поэтов нередки обращения к творчеству Пушкина. В качестве иллюстрации одной из пушкинских реминисценций можно привести стихотворение Я. Смелякова «Любезная калмычка».

Курить, обламывая спички,—
одна из тягостных забот.

Прощай, любезная калмычка,
уже отходит самолет.

Как летний снег, блистает блузка,
наполнен счастьем рот хмельной.

Глаза твои сияют узко
от наслажденья красотой.

Твой взгляд, лукавый и бывалый,
в меня, усталого от школ,
как будто лезвие кинжала,
по ручку самую вошел.

Не упрекая, не ревнуя,
пью этот стон, и эту стынь,
и эту горечь поцелуя.

Так старый беркут пьет, тоскуя,
свою последнюю полынь.

Лиризм стихотворения и его поэтичность значительно усилились благодаря отчетливой и очевидной параллели со стихотворением Пушкина «Калмычке». Помимо названия, в котором использовано пушкинское обращение к калмычке — *любезная калмычка* (для современного литературного языка *любезный* в значении «милый, дорогой» — устаревшая форма обращения к кому-нибудь), на сознательную параллель указывает повторение Смеляковым начальной строки пушкинского текста: *Прощай, любезная калмычка*.

Пушкинская реминисценция, несущая в себе дополнительные смысл и экспрессию, характерные для текста-источника, художественно обогатила стихотворение. Она содействовала, наряду с общностью темы, настроения, сходством ритмического рисунка, возникновению той поэтической тональности, которая у читателя всегда связывается с поэзией Пушкина. Эта «перекличка» стихотворения Смелякова со стихотворением Пушкина поддерживается и последним пятистишием:

Не упрекая, не ревнуя,
пью этот стон, и эту стынь,
и эту горечь поцелуя.
Так старый беркут пьет, тоскуя,
свою последнюю полынь.

Здесь в ряду других поэтических приемов и образов Смеляков прибегнул к поэтизму, очень распространенному в предпушкинское и пушкинское время. Метафорическое употребление глагола *пить* в сочетании с существительными, обозначающими душевное состояние, чувство, типа *пить блаженство, любовь*, входило в норму поэтического выражения конца XVIII — начала XIX века. Вот отдельные примеры подобного употребления глагола *пить* в поэзии этого времени — у Батюшкова: Счастья шаткого любимец С нимфами забвенью пьет (Счастливец); у Жуковского: Я в сердце твой приемлю глас; Я пью любовь в твоём дыханьи (Песня); у Кюхельбекера:

Когда люблю и ненавижу,
Из жизни скорбь и радость пью,
Тогда свободно я пою,
Олимп, бессмертье, Феба вижу.

К. Е. О. Криштофович

У Рыльева: В ее словах я негу пил (Войнаровский). Упомянутая норма отражена и в словоупотреблении Пушкина: достаточно напомнить, что у него имеются такие сочетания, как *пить веселье* (Фавн и пастушка), *негу* (Дориде), *томление любви* (Таврида), *обман* (Евгений Онегин), *наслаждение* (Стансы Толстому). Использование Смеляковым яркого по своей экспрессии поэтизма,

традиционно связываемого с пушкинским периодом развития поэзии, представляется не случайным. Среди множества поэтических средств поэт выбирает обладающие наибольшим эмоционально-экспрессивным воздействием. В сегодняшней поэзии они представляют собой, выражаясь словами В. Маяковского, «старое, но грозное оружие». В стихотворении А. Кушнера «Сегодня снег...» обнаруживается несомненная связь со стихотворением Пушкина «Адели». Помимо сходства ритмического рисунка и размера она заключается в воспроизведении двух стихов пушкинского текста: *Играй, Адель, Не знай печали* — в одной из строф стихотворения (Метет метель, // Стирая дали. // Играй, Адель, // Не знай печали). Кроме этого, показателем связи с поэзией Пушкина является свободное включение в ткань стихотворения речевых средств общепозетического фонда словесных образов. Таково употребление устаревшего для современного литературного языка существительного *нега*: *Сегодня снег, // моя погода. // От зимних нег // нам нет прохода; старого символа поэтического творчества свирель: Метет метель. // О чем хлопчешь? // Бери свирель, // играй что хочешь;*; перифрастического сочетания *дары зимы* применительно к снегу: *Дары зимы // при свете резком, // ячейки тьмы // с янтарным блеском; словосочетания влажный поцелуй.* Эти средства, как бы сообщающие всему тексту свою поэтичность, которая усиливается их композиционным расположением (от строфы к строфе, от поэтизма к поэтизму поэтическая тональность поддерживается на протяжении всего лирического повествования), ассоциируются у современного читателя с поэзией прошлого, в первую очередь, с поэзией пушкинской поры. Сравните использование этих поэтизмов в начале XIX века, например у Баратынского: *Прощай, прощай, краса природы! Волшебного шептанья полный лес, Златочешуйчатые воды! Веселый сон минутных летних нег (Осень); Зачем я удалюсь от столь разумной цели? И звуки легкие пастушеской свирели В неугомонный лай нежовко превратя, Зачем себе врагов наделаю шутя? (Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры); у Жуковского: Шесть месяцев в одежде погребальной Зима у нас привыкнула гостить! Так! Чересчур в дарах она богата! (Послание к Плещееву).*

Говоря о пушкинских реминисценциях в современной поэзии, важно подчеркнуть не только отнесенность названных общепозетических речевых средств к пушкинской поре, но и их непосредственную связь с произведениями Пушкина: почти все перечисленные слова и выражения — и именно в той форме, в которой они представлены в стихотворении А. Кушнера — зафиксированы у Пушкина. *Зимние неги* упомянуты в «Евгении Онегине»: Другой поэт роскошным слогом Живописал нам первый снег И все оттен-

ки зимних нег; *влажный поцелуй* — в стихотворении «Выздоровление»: И вдруг я чувствую твое дыхание, слезы И влажный поцелуй на пламенном челе.; *свирель* как символ поэтического творчества — в ряде стихотворений, в том числе и в стихотворении «Адели», параллель с которым наиболее очевидна: И в шуме света Люби, Адель, Мою свирель.

Добавляя к краскам стихотворения новые, усиливая его поэтический колорит, пушкинские реминисценции выступают как одно из наиболее действенных средств поэтической выразительности.

Стихотворение Смелякова «Пиала» представляет несколько иной вид поэтической «переключки» с творчеством Пушкина. Здесь нет прямых текстуральных совпадений с Пушкиным, как в приведенных стихотворениях. Однако весьма характерен самый выбор поэтических средств и их концентрация в стихотворении. Автор использовал ряд лексических и фразеологических поэтизмов — примет стихотворной речи пушкинской эпохи: и глагол *течь* применительно к стихам, словам (Пускай к тебе течет отсюда // моя веселая хвала, // большая круглая посуда, // страны калмыцкой пиала), и существительное *влага* применительно к напитку и в составе перифрастического сочетания *хмельная влага* (И сев за скатерть в свой черед, // пью из тебя хмельную влагу // за степь твою и твой народ. Сравните у Пушкина сочетание *Вакхова влага*: Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу // С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай), и сочетания *сын чего* (Какая б ни была погода, // в руке негнущейся своей // тебя держал хозяин рода // и смуглый отрок, сын степей), *на путях чего* (Там, на путях труда и брани, // в своей кибитке кочевой // ты знала и бульон бараний, // и чай калмыцкий золотой). Имеются и некоторые другие, «косвенные» по отношению к языку поэтического произведения, отзвуки творчества великого поэта. Так, сказанное Смеляковым о калмыцком юноше — *отрок, сын степей* — можно воспринять как перифразировку слов из знаменитого «Памятника»: *И друг степей калмык*; можно увидеть содержательное сходство между стихами Смелякова: в своей кибитке кочевой // ты знала и бульон бараний // и чай калмыцкий золотой — и строками пушкинского «Путешествия в Арзрум»: «На днях посетил я калмыцкую кибитку... В котле варился чай с бараньим жиром и солью».

Все это — употребление перечисленных лексических и фразеологических поэтизмов, вкрапления архаической для современного литературного языка лексики (*брань, отрок*) — позволяет рассматривать названные общепоэтические средства как своеобразные сигналы пушкинского стиля.

Н. Н. ИВАНОВА